

нѣтъ? Я не могу рѣшить это, я могу выразить только свое предположеніе, что споръ еще не законченъ. Мы, съ своей стороны, дѣлали все, чтобы побудить французовъ къ забвенію прошлаго. Франція имѣла нашу поддержку въ каждомъ изъ ея желаній, кромѣ только тѣхъ, которыя относились къ полученію болѣе или менѣе значительнаго пространства около Рейна. Ни въ Эльзасѣ, ни въ другомъ мѣстѣ мы не можемъ согласиться на такую уступку. Но во всемъ другомъ мы добросовѣстно старались сдѣлать угодное Франціи, насколько это возможно. Мы не имѣемъ ни желанія, ни намѣренія вести войну съ Франціею. Я всегда отвергалъ мысль—затѣвать войну только потому, что она неизбежна въ будущемъ. Въ 1867 году я былъ противъ того, чтобы принимать люксембургскій вопросъ за поводъ къ войнѣ. Для меня не имѣло тогда значенія то обстоятельство, что позднѣе намъ все-таки придется воевать съ Франціею. Я не могу такъ напередъ заглядывать въ карты будущаго; мы не можемъ же знать, не произойдетъ ли война впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ это и случилось относительно Франціи. Въ 1870 году война велась при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ это было бы въ 1867 году; а если бы умеръ императоръ Наполеонъ, то, можетъ быть, вовсе не произошло бы войны. Я говорю это къ тому, чтобы объяснить мое убѣжденіе и увѣрить другихъ за границею, что мы никогда не нападѣмъ на Францію. Если французы желаютъ соблюдать миръ съ нами до тѣхъ поръ, пока мы не нападѣмъ на нихъ, то миръ былъ бы навсегда обезпеченъ. Чтѣ можемъ мы имѣть отъ новой войны съ Франціею? Я долженъ вамъ сказать откровенно, что и тогда я расположенъ былъ ничего не брать“. Упомянувъ, затѣмъ, о возможности воинственныхъ порывовъ во Франціи, князь Бисмаркъ предостерегаетъ палату отъ ложнаго патріотизма, заключающагося въ самоувѣренномъ пренебреженіи къ силамъ и достоинствамъ противника. „Вы—продолжалъ онъ—слишкомъ мало цѣните могущество Франціи. Франція—великая, могущественная страна, столь же могущественная, какъ наша; это воинственный, храбрый народъ, который всегда имѣлъ искусныхъ полководцевъ; если наши побѣдили ихъ, то это — дѣло случая... Въ томъ, что мы разъ побѣдили Францію, не заключается еще гарантія, что мы одолѣемъ ее вторично, и мы должны создавать эти гарантіи, если онѣ необходимы, по мнѣнію нашихъ военныхъ авторитетовъ“. Будущая война представляется канцлеру въ ужасающей картинѣ безпощаднаго обоюднаго истребленія. „Война 1870 г. окажется дѣтскою игрою въ сравненіи съ войною 1890 года (?). Обѣ стороны будутъ пытаться довести противника до безкровія—saigner à blanc. Я не могу поэтому представить себѣ, чтобы вообще кто-нибудь чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы